

Кровь продолжала течь из её рта, кожа стала прозрачной, и она почти превратилась в призрак. Город Уван тоже становился всё более размытым...

Молнии продолжали бить.

Лун Чи уже не могла считать, сколько раз ударила молния. Сила ударов передавалась от Великой горы Инь прямо к ней.

Она подумала, что, вероятно, стала первой в семье Женьшеневого владыки, кто пережил удар молнии.

Внезапно в её голове раздался голос:

— Было ли у тебя чувство вины?

Лун Чи хотелось выругаться. Перед кем она должна была чувствовать вину? Она боролась за справедливость и помогала слабым, а теперь её бьют молнии. Она родилась в семье, которая не должна была переживать грозовую скорбь, а теперь её бьют молнии. Её кость бессмертного поглощала удары молний.

Голос продолжил:

— Было ли у тебя чувство утраты?

Какая утрата? О чём он? Она не понимала!

Голос спросил снова:

— Было ли у тебя чувство долга?

Лун Чи взорвалась, встала и закричала:

— Кто это? Не видите, что я переживаю грозовую скорбь? Какой долг? Денежный? Разве я, Лун Чи, выгляжу как человек, которому не хватает денег?

Никто не ответил ей, и небо, покрытое тучами, вдруг стало ясным.

Огромное количество жизненной энергии вырвалось из её кости бессмертного, и её почти прозрачное тело снова стало нормальным.

Ветер стих, сила молний исчезла.

Казалось, что страшная гроза была лишь иллюзией.

Лун Чи ущипнула себя за щёку, но не почувствовала боли. Она подумала, что её кожа была настолько прочной, что её было трудно проткнуть даже ножом, поэтому ущипнуть себя было невозможно. Она осмотрела своё тело, провела энергию по кругу и обнаружила, что в её кости бессмертного накопилась сила молний.

Лун Чи поняла, что произошло, и быстро побежала к Городу Уван, крича:

— Старшая сестра, старшая сестра...

Она подумала, что если с ней всё в порядке, то и с Нань Лицзю должно быть всё хорошо.

Она перебежала холмы и обнаружила, что Города Уван больше нет.

Следуя своему внутреннему чувству, она продолжила путь и нашла огромную яму, в которой лежала обнажённая женщина, смотрящая в небо.

Лун Чи замешкалась, затем быстро отвернулась и закрыла глаза:

— Старшая сестра, оденься.

Нань Лицзю лежала, медленно поворачивая голову, и смотрела на спину Лун Чи.

Она умерла, превратилась в могущественного демона, поглотила силу Упыря-хоу и была наполнена смертельной энергией, а затем поглотила множество людей и демонов, пришедших с Великой горы Инь.

Молнии били одна за другой, без конца, и она думала, что умрёт.

Сила молний, чистая и святая, должна была рассеять её смертельную энергию и кровь, но она увидела золотое сияние, которое защищало её от ударов. Это было сияние заслуг, дарованное небом за её службу в защите Города Уван и борьбе с Царством призраков Преисподней.

Молнии рассеяли силу, которую она накопила, поглощая Упыря-хоу и других существ, но сияние заслуг защитило её собственную силу.

После десятков ударов молний она поняла, что переживает восемьдесят одну грозовую скорбь.

Когда ударила последняя молния, в её сознании возникли три вопроса к сердцу, связанные с испытанием демонов: жадность, гнев, обида, злоба, ненависть и несправедливость. Она была переполнена этими чувствами, и демон в её сердце усилился. Последняя молния должна была поразить её сердце и уничтожить её душу, но голос Лун Чи вытащил её из этих эмоций:

— Чёрт возьми, перед кем я должна чувствовать вину? Я борюсь за справедливость и помогаю слабым, а теперь меня бьют молнии. Я родилась в семье, которая не должна переживать

грозовую скорбь, а теперь меня бьют молнии.

— Было ли у тебя чувство утраты?

— Какая утрата? О чём ты?

— Было ли у тебя чувство долга?

— Кто это? Не видите, что я переживаю грозовую скорбь? Какой долг? Денежный? Разве я, Лун Чи, выгляжу как человек, которому не хватает денег?

Чистое сердце рассеяло демона, и смертельная сила молнии превратилась в жизненную энергию, которая слилась с её силой, очищенной молниями, и восстановила её тело. Она... Нань Лицзю, воскресла.

Нань Лицзю медленно села, пытаясь встать, но обнаружила, что её ноги не слушаются.

Она потрогала свои ноги. Они были на месте, но она не чувствовала их и не могла ими двигать.

— ...

Почему?

Нань Лицзю с недоумением смотрела на свои ноги, не в силах принять, что после воскрешения её ноги остались парализованными.

Лун Чи спросила:

— Старшая сестра, ты оделась?

Не получив ответа, она обернулась и увидела, что Нань Лицзю всё ещё сидит обнажённой. Она снова отвернулась и закрыла глаза. Затем она подумала, что у Нань Лицзю есть то же, что и у неё, и посмотреть не помешает. Она снова обернулась и увидела, что Нань Лицзю всё ещё не одета, и быстро достала одежду из своего мешка, чтобы дать ей.

Нань Лицзю сказала:

— Отвернись.

Лун Чи ответила:

— Ты женщина, и я женщина. У тебя есть то же, что и у меня. Посмотреть не страшно.

Нань Лицзю разозлилась:

— Отвернись.

Её ноги были парализованы, и она не могла двигаться. Разве Лун Чи должна была видеть, как она пытается одеться с неподвижными ногами?

Лун Чи, увидев, что Нань Лицзю злится на неё, тоже рассердилась:

— Ты хоть немного справедлива? Я — женьшеневый дух, рождённый бессмертным, и мне никогда не нужно было переживать грозную скорбь. А теперь я пережила её из-за тебя... И ты ещё злишься! Наверное, ты совершила столько зла, что даже после смерти тебя бьют молнии.

Нань Лицзю хотела использовать силу Небесной звёздной сферы, чтобы ударить Лун Чи, но ничего не произошло. Она не могла даже использовать свою внутреннюю энергию. Нань Лицзю быстро проверила своё состояние и поняла, что, хотя она воскресла, её сила исчезла. Она потрогала свой пульс — его не было. Она приложила руку к груди — сердце билось. Она потрогала шею — пульса не было. Она проверила другие места, где должен был быть пульс, но ничего не почувствовала. Она почувствовала дыхание и биение сердца, но в остальном... она была не такой, как живой человек.

Она подумала, что, хотя она воскресла, она не была нормальным человеком.

Лун Чи:

— ...

У Нань Лицзю проблемы с головой после ударов молний? Она трогает сама себя?

Нань Лицзю, понимая, что сейчас не может справиться с Лун Чи, решила не обращать на неё внимания и молча начала одеваться. Она взяла красный пояс с вышитыми пионами, зелёными цветами и золотыми бабочками, на котором было написано «Цветы и богатство». Она подняла голову и посмотрела на Лун Чи.

Лун Чи, увидев пояс, сжала губы и сказала:

— Это одежда, которую приготовила бабушка.

Нань Лицзю спокойно ответила:

— Понятно, детский пояс для взрослой.

Лун Чи так рассердилась, что хотела схватить меч и сразиться с Нань Лицзю триста раз!

— Эй, где мой меч?

Она была мечником, и её учитель говорил, что меч — это жизнь мечника. Где её меч? Она забыла о своём гневе на Нань Лицзю и быстро спросила:

— Старшая сестра, где мой меч?

Нань Лицзю ответила:

— После того как ты уснула, я боялась, что ты его потеряешь, и закопала его в землю.

Она указала направление.

Лун Чи с подозрением посмотрела на Нань Лицзю: почему она так легко сказала, где меч? Неужели не стала подшучивать?

Нань Лицзю, не поднимая головы, продолжала одеваться.

Лун Чи подумала, что Нань Лицзю никуда не денется, и если она не найдёт меч, то вернётся к ней. Она побежала искать свой меч.

Нань Лицзю с облегчением вздохнула и поспешила одеться, пока Лун Чи не вернулась.

Пояс был уродливым, но он был под одеждой, и его не было видно. Кроме цвета и вышивки, материал и качество работы были превосходными. Она надела верхнюю одежду и, подняв ногу левой рукой, начала надевать штаны правой. В это время Лун Чи вернулась с мечом и с удивлением посмотрела на неё:

— Я никогда не видела, чтобы кто-то поднимал ногу и надевал штаны одной рукой...

Нань Лицзю схватила горсть песка и швырнула в лицо Лун Чи:

— Убирайся!

Лун Чи вскрикнула:

— Неужели ты, даже после ударов молний, с сердцебиением и дыханием, всё ещё осталась калекой?

Нань Лицзю, если бы могла встать, схватила бы меч и заколола Лун Чи несколько раз.

Лун Чи утешила её:

— Не расстраивайся, ты ведь привыкла за столько лет. Я найду кого-нибудь, чтобы сделать тебе новую инвалидную коляску, и буду тебя возить.